

ПОРІВНЯЛЬНО-ІСТОРИЧНЕ І ТИПОЛОГІЧНЕ МОВОЗНАВСТВО

УДК 81-115

DOI <https://doi.org/10.32838/2663-6069/2019.4-1/22>**Го Лицзюнь**

Університет імені Сунь Ятсена

Попов С. Л.

Університет імені Сунь Ятсена

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА КОНСТРУКЦИИ КОМУ/ЧЕМУ + НУЖЕН (НУЖНА, НУЖНО, НУЖНЫ) + КТО/ЧТО В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЕЕ ЭКВИВАЛЕНТАМИ В АНГЛИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА¹

У статті надано опис синтаксичної семантики російської конструкції кому/чему + нужен (нужна, нужно, нужны) + кто/что у зіставленні з її еквівалентами в англійській та китайській мовних картинах світу. Доведено, що в російській мовній картині світу ця афективна конструкція є синкретичним рудиментом ергативного ладу, що історично передує ладу номінативному, а в англійській та китайській картинах світу, незважаючи на їх значні відмінності, такий рудимент є відсутнім. Цей доказ обумовлює розуміння того, що ані формальне, ані семантико-синтаксичне трактування цієї породженої синкретизмом сприйняття конструкції не може бути визнаним як абсолютно коректне. Формальне трактування цієї конструкції не враховує, що семантично в ній кому/чему – квазі, але суб'єкт, а кто/что – квазі, але об'єкт. Семантико-синтаксичне трактування цієї конструкції ігнорує той факт, що семантично виражений в ній формою непрямого відмінку суб'єкт, на відміну від англійського та китайського аналогів, не є активним і самостійним, а об'єкт має відмінкову форму суб'єкта, через що суб'єкт ергативно-афективної конструкції за ознаками активності та самостійності є діаметрально протилежним суб'єкту номінативної конструкції, що обумовлює визнання вимушеної умовності перекладу російської ергативно-афективної конструкції на інші мови номінативного ладу, зокрема англійську та китайську, притаманною їм номінативною конструкцією та перекладу зворотнього. Було б корисно при презентації цієї конструкції у підручниках і граматиках відзначати її неактивносуб'єктну ергативно-афективну рудиментарність і, як наслідок, умовність відмінкових форм її актантів.

Ключові слова: ергативний лад, номінативний лад, відмінок, афектив, суб'єкт, об'єкт, синкретизм, переклад.

Постановка проблеми. Идеи Московской семантической школы без преувеличения имеют мировое признание, поскольку хорошо известны не только в Европе и Америке, но и в Азии [14; 4]. Одним из центральных в этой школе является понятие отражаемой в языковых семантике

и структуре языковой картины мира. Поскольку в языке отражена наивная (донаучная) картина мира, понятие языковой картины мира справедливо считается абсолютно ему синонимичным, хотя понятно, что наивной может быть картина не только языковая. Однако именно в таком значении языковую картину мира в свое время описал Ю. Д. Апресян: «Коротко говоря, идея наивной модели мира состоит в следующем: в каждом естественном языке отражается определенный способ восприятия мира, навязываемый в качестве обязательного всем носителям языка. В способе

¹ Стаття являється проміжним результатом проекту 2015 года Китайского Национального фонда общественных наук «Семантическое исследование фокусирующих наречий в русском и китайском языках в рамках теории синтаксической семантики Московской семантической школы» (грант № 15СYY050).

мыслить мир воплощается цельная коллективная философия, своя для каждого языка. ...образ мира, запечатленный в языке, во многих существенных деталях отличается от научной картины мира» [1, с. 5]. К своеобразию языковых, или наивных, картин мира относятся и различные способы выражения в языках субъектно-объектных отношений. Одним из проявлений такого своеобразия является весьма частотная и по-своему фокусирующая внимание говорящего, в ряде случаев синонимичная адвербиальным русская конструкция *кому/чему + нужен (нужна, нужно, нужны) + кто/что* (мы называем ее конструкцией в расширительном понимании, понимая, что в нее включаются две конструкции, поскольку хотим акцентировать внимание на конструктивном аспекте таких предложений), которая наряду с конструкцией *у кого/чего есть кто/что* является отличительной особенностью русской грамматики и печально известной ее трудностью для изучающих русский язык иностранцев. Синтаксические трактовки данной конструкции противоречивы и продолжают оставаться источником разногласий между представителями формального и семантического направлений синтаксиса.

Анализ последних исследований и публикаций. Формальный синтаксис рассматривает части этой конструкции – далее используем конструкцию *мне нужна работа* (варианты с такими, в том числе адвербиальными, предикатами, как в сравнении с *нужно* стилистически сниженное *надо*, архаичное *надобно*, семантически синонимичное им *необходимо*, существенными для настоящего исследования не считаем) – как подлежащее *работа*, выраженное не глаголом, а кратким прилагательным сказуемое *нужна* и косвенное дополнение *мне*. Семантический синтаксис трактует эту конструкцию противоположно. Так, Г. А. Золотова, очевидно ориентируясь на сложившуюся традицию переводить такую конструкцию конструкциями номинативными, например англ. *I need a job* или кит. 我需要一份工作 (сходство этих конструкций усиливается употреблением в китайском счетного слова – 'один' как системного эквивалента английского, тоже происходящего от *one* неопределенного артикля), предложила считать в данной конструкции *мне* «потенциальным субъектом-посессором» в дательном падеже, а слово *работа* – «поссесивным объектом» в именительном падеже [6, с. 120-121]. Есть основания полагать, что оба этих подхода к синтаксической семантике рассматриваемой конструкции уместными не являются.

Постановка цели. Целью настоящей статьи является непротиворечивое описание синтаксической семантики русской конструкции *кому/чему + нужен (нужна, нужно, нужны) + кто/что* в сопоставлении с ее эквивалентами в английской и китайской языковых картинах мира.

Изложение основного материала. Мы полагаем, что противоречивость исследуемой нами конструкция объясняется ее аффективной эргативностью, и это можно доказать. Г. А. Золотова назвала эту конструкцию поссесивной, но, обратившись к сведениям сравнительного языкознания, можно убедиться в том, что этот термин применяется для обозначения одного из значений эргативнопадежной конструкции, которая имеется в языках эргативного строя, причем значения родительного падежа, а не дательного. Значение дательного падежа в составе эргативного падежа принято называть аффективом. А. Г. Климов, автор контенсиологической, то есть учитывающей выражение субъектно-объектных отношений, типологии языков, продолжатель дела работавшего в этом же направлении И. И. Мещанинова, убедительно доказал эволюцию языковых строев по следующему алгоритму: нейтральный строй → классный строй → активный строй → эргативный строй → номинативный строй [8]. Эргативный строй, который, как правило (не без исключений), приходит на смену активному строю, на уровне синтаксиса характеризующемуся инкорпорированием и на всех языковых уровнях отличающемся лишь дифференциацией активного и инактивного начал, имеет только два падежа: эргативный и абсолютный. Эргативная типология на глубинно-синтаксическом уровне есть типология, «в рамках которой субъект переходного действия трактуется иначе, чем субъект непереходного, а объект первого – так же, как субъект второго» [7, с. 48]. Аффективная семантика входит в общее значение эргативного падежа [11; 7, с. 55]. И. И. Мещанинов не без оснований полагает, что в создании аффективного значения, впоследствии вошедшего в семантику дательного падежа, участвуют лишь глаголы «чувственного восприятия», откуда и происходит название: глаголы, обозначающие чувства как состояние аффекта [10, с. 177]. Однако модальность нужности, наблюдаемая в конструкциях *Мне нужна работа, I need a job* или кит. 我需要一份工作, тоже вписывается в понятие аффекта, поскольку, когда кому-то кто-то нужен или что-то нужно, нуждающийся в этом испытывает фокусирующее чувство желания этого кого-то или это что-то получить.

Очевидно, что разница между русской аффективной конструкцией, с одной стороны, и идентичными друг другу английской и китайской считающимися эквивалентными русской конструкциями, с другой стороны, есть разница эргативной и номинативных конструкций (дополнительное различие между ними состоит в том, что, в отличие от английской и китайской конструкций, в русской конструкции употребляется не глагол, а краткое прилагательное). Чтобы лучше осознать эту разницу и понять, какая она – только конструктивная или конструктивно-когнитивная, то есть такая, при которой особенности конструктивности обуславливаются уровнем развития когниции, – обратимся к соответствующим когнитивно-эволюционным комментариям эргативной аффективности (о когнитивно-эволюционном подходе в лингвистике – см. [12, с. 5-105]).

Так, И. И. Мещанинов, рассматривая архаичный пример из грузинского языка *მამა სიყვარულით მზოდო*, который переводится функционально-номинативно как «отец любит сына», а системно-аффективно как «отцу ему-любим-он сын» (показателями «ему-он» ученый передает значение аффективного глагольного суффикса), дает следующую характеристику аффективности: «Субъект в этом строе предложения не действует. Ему не принадлежит действие и не через него оно совершается. Наоборот, субъект воспринимает на себя действие, совершаемое независимо от него. Он ощущает на себе результаты того, что происходит вне его активной воли. ... Аффективное предложение по своему содержанию пассивно [10, с. 177, 180]. Нетрудно убедиться в том, что в эргативно-аффективной конструкции ни о какой активности и самостоятельности субъекта действия или состояния речь идти не может. И здесь очень важным является понимание того, что неактивность и несамостоятельность субъекта проявляется именно в транзитивных предложениях: когда речь заходит о прямом управлении объектом, о его, как обоснованно считает М. Н. Эпштейн, в той или иной мере преобразовании [13], субъект всегда оказывается не у дел, словно избегая ответственности за преобразование объекта. В приведенном эргативно-аффективном примере сын любим, то есть преобразован воздействием любви, но эта любовь исходит не от отца как активного и самостоятельного субъекта, а от кого-то судьбоносного, на решения которого человек повлиять не в силах, что свойственно в целом славянским и в частности русской языковым картинам мира, в

отличие от картин мира романских и германских языков [5, с. 82-83; 3, с. 34], а также, как можно убедиться, от картины мира китайского языка.

Применение к аффективным конструкциям когнитивно-эволюционного подхода позволяет понять, что, во-первых, если в значении одного падежа сочетаются значения нескольких падежей, то это падежный синкретизм, при котором составляющие не воспринимаются, а во-вторых, вычленимые в семантике эргативного и абсолютного падежей падежи более частные – и, конечно, это падежи, свойственные языкам номинативного строя, – видны носителям именно номинативных языков, но никак не носителям языков эргативного строя. Эти два вывода подтверждаются показательными высказываниями И. И. Мещанинова. Вот что ученый пишет о синтаксических особенностях эргативного строя и обуславливающих эти особенности характеристиках эргативноязыковой картины мира: «представление о субъекте, как действующем лице, отражает в первую очередь восприятие человеком окружающей чувственной среды и своего действия, направленного на изменение природы. ... Но изменения природы, являющейся реальным объектом человеческой деятельности, получают встречное истолкование в сохраняющемся еще неприступном ее для человека состоянии в ее же восприятии как всемогущей, неприступной силы. Тем самым объект становится субъектом. Не зная еще законов природы, используемых человечеством для достижения определенных результатов его трудовой деятельности, мышление общественного коллектива ставит само человеческое общество в подчиненное природе положение, и в результате получается осмысление еще не постигнутых сил природы как действующих самостоятельно от воздействующего на них человека, еще не осознанного в этом его значении. Вырабатывается тем самым ирреальное, мифологическое представление о действующем лице, каковое и можно было бы назвать «мифологическим субъектом» в отличие от «логического субъекта» норм уже нашего мышления [9, с. 35]. Как можно видеть, это качественное описание перцептивного синкретизма, осуществленное в первой половине XX века не узко специализированным этническим психологом, а, несомненно, разносторонне развитым и прозорливым интеллектуалом.

Вопрос о преимуществах одного языкового строя перед другим традиционно является дискуссионным. Об этом с горечью пишет Президент Международного общества происхожде-

ния языка Б. Бичакджан: «гуманитарии не любят эволюции. Говорит об эволюции в лингвистике неполиткорректно. В биологии вполне корректно и полностью приемлемо говорить, что приобретение постоянной температуры тела было большим шагом вперед с точки зрения эволюции и что адаптивные преимущества теплокровности перевешивают выгоды предшествующего состояния холоднокровности. Но если в лингвистике кто-то скажет, что переход от эргативности к номинативности является большим шагом вперед с точки зрения эволюции и что адаптивные преимущества номинативного синтаксиса перевешивают выгоды эргативной модели, на него немедленно набросятся, и набросятся с полной уверенностью в своей правоте» [2, с. 61].

Действительно, преимущество номинативного строя перед эргативным особенно рельефно проявляется в преимуществе активности над неактивностью и самостоятельности над несамостоятельностью субъекта действия или состояния. Именно поэтому можно, конкретизируя сказанное Б. Бичакджаном, утверждать, что в плане активности и самостоятельности имеющаяся в русской языковой картине мира эргативно-аффективная безглагольная конструкция *мне нужна работа* не просто в чем-то уступает имеющимся в английской и китайской языковых картинах мира номинативным транзитивно-глагольным конструкциям *I need a job* или кит. 我需要一份工作, а является диаметрально им противоположной. Безусловно, английский и китайский языки имеют необозримо больше различий, чем сходств, но рассматриваемые нами имеющиеся в английской и китайской языковых картинах мира конструкции, несмотря на то что носители английского языка в период Норманнского завоевания кардинально изменили грамматическую структуру языка, избавив его от категорий падежа, рода и (у адъективов) числа, а носители китайского языка, не создав флективности или агглютинативности, сохранили его изолированность и в значительной мере достигают смысловых различия не сохранившейся в английском языке тональностью гласных, являются в них абсолютно идентичными, характеризующимися номинативной идентичностью активности и самостоятельности субъекта действия или состояния, и русская эргативно-аффективная конструкция является их полной противоположностью. Нет никакого сомнения в том, что конструкции типа *Мне нужна работа* уже много столетий остаются весьма частотными, и нет никаких свидетельств узуальной актив-

зации ее весьма относительного номинативного коррелята *Я нуждаюсь в ком/чем*, относительность которого проявляется в его заметно меньшей, как интранзитивной, активности и самостоятельности субъекта (подробнее об этом – см. [Эпштейн]). Если перед носителем русского языка поставить задачу выразить значение нужности однокоренным с *нужный* транзитивным глаголом, эквивалентным англ. *need* и кит. 需要, этот носитель с ней справиться не сможет.

Если аффективная конструкция *Мне нужна работа* является рудиментом эргативного строя, в котором имеются лишь неделимые эргативный и абсолютный падежи-синкреты, то в формальном смысле *мне* в рассматриваемой конструкции не может считаться дательноподлежащим, а *работа* – именительноподлежащим. Эти падежи здесь можно констатировать лишь с большой долей безысходной условности, поскольку здесь *мне* и *работа* имеют только формы этих падежей, но не их значения, ведь с точки зрения семантики синтаксиса, как показала Г. А. Золотова, *мне* стремится вести себя как субъект, а *работа* – как объект. Но даже если *мне* – субъект, то активен и самостоятелен ли он так же, как субъект номинативной конструкции в форме именительного падежа? Из этого в свою очередь следует еще один вопрос: адекватен и системен ли перевод эргативно-аффективной конструкции *Мне нужна работа* такими номинативными конструкциями, как англ. *I need a job* и кит. 我需要一份工作? Ответ очевиден: нет, субъект эргативно-аффективной конструкции в сравнении с субъектом номинативной конструкции не активен и не самостоятелен, что подтверждается когнитивно-эволюционной интерпретацией эргативного падежа как синкретичного и противоречащей субъектности формой косвенного падежа, и этот перевод невозможно признать во всем адекватным, поскольку неактивность, несамостоятельность субъекта эргативно-аффективной конструкции некорректно передавать как активность, самостоятельность субъекта номинативной конструкции, и такой перевод невозможно признать системным, поскольку одна конструкция передается совершенно другой конструкцией, – это типичный функциональный перевод с большой долей вынужденной условности.

Выводы и предложения. Таким образом, в статье доказано, что в русской языковой картине мира конструкция *кому/чему + нужен (нужна, нужно, нужны) + кто/что* является аффективным рудиментом эргативного строя,

а в английской и китайской картинах мира, несмотря на их значительные различия, этот рудимент отсутствует. Поэтому ни традиционная формальная, ни семантико-синтаксическая трактовка этой порожденной синкретизмом восприятия конструкции не может быть признана абсолютно корректной. Формальная трактовка этой конструкции не учитывает, что семантически в ней *кому/чему* – квази, но субъект, а *кто/что* – квази, но объект. Семантико-синтаксическая трактовка этой конструкции не учитывает, что семантически выраженный в ней формой косвенного падежа субъект, в отличие от английского и китайского аналогов, неактивен и несамостоятелен, а именной объект имеет

падежную форму субъекта, в силу чего субъект эргативно-аффективной конструкции по признакам активности и самостоятельности диаметрально противоположен субъекту номинативной конструкции, что обуславливает признание вынужденной условности перевода русской эргативно-аффективной конструкции на другие языки номинативного строя, в частности английский и китайский, свойственной им номинативной конструкцией и перевода обратного. Было бы полезно при презентации этой русской конструкции в учебниках и грамматиках отмечать ее неактивносубъектную эргативно-аффективную рудиментарность и, как следствие, условность падежных форм ее актантов.

Список литературы:

1. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986. С. 5-33.
2. Бичакджан Б. Эволюция языка: демоны, опасности и тщательная оценка // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 41-58.
3. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ.; отв. ред. М. А. Кронгауз; вступ. ст. Е. В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
4. Го Лицзюнь. Научные идеи Московской семантической школы в Китае: заимствование, принятие, трансформация // Научный диалог. 2018. № 12. С. 47-63.
5. Головановская М. К. Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые концепты в представлении французов и русских. М.: Языки славянской культуры, 2009. 376 с. (Язык. Семиотика. Культура).
6. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. Изд. 3-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2006. 440 с.
7. Климов А. Г. Очерк общей теории эргативности. М.: Наука, 1973. 264 с.
8. Климов А. Г. Принципы континентальной типологии. М.: Наука, 1983. 224 с.
9. Мещанинов И. И. Новое учение о языке. Стадиальная типология. М.: Соцэкгиз, 1936. 344 с.
10. Мещанинов И. И. Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения. Л.: Учпедгиз, ЛО, 1940. 260 с.
11. Мещанинов И. И. Эргативная конструкция в языках различных типов. Л.: Наука, ЛО, 1967. 248 с.
12. Попов С. Л. Когнитивные основания эволюции форм русского синтаксического согласования: Монография. Харьков: НТМТ 2013. 150 с.
13. Эпштейн М. Н. О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество // Знамя. 2007. № 3. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/3/ep18.html>.
14. Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, Б. Л. Йомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Санников, Е. В. Урысон; Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. 912 с. (Studia philologica).

Guo Lijun, Popov S. L. SYNTACTIC SEMANTICS OF THE *КОМУ/ЧЕМУ* + *НУЖЕН (НУЖНА, НУЖНО, НУЖНЫ)* + *КТО/ЧТО* STRUCTURE COMPARED WITH ITS EQUIVALENTS IN THE ENGLISH AND CHINESE LINGUISTIC WORLD VIEW

*This article provides description of the syntactic semantics of the Russian structure of **кому/чему** + **нужен (нужна, нужно, нужны)** + **кто/что** in comparison with its equivalents in the English and Chinese linguistic world views. It is proved that in the Russian linguistic world view this affective structure is a syncretic rudiment of the ergative system, which historically preceded the nominative system, but the English and Chinese linguistic world views both lack such rudiment, despite of their significant differences. This proof determines the apprehension of the fact that neither the formal nor the semantic-syntactic interpretation of this structure, generated by perception syncretism, can be recognized as absolutely correct. The formal interpretation of this structure does not consider that semantically the first **кому/чему** is quasi, but the subject, and the second **кто/что** is quasi, but the object. The semantic-syntactic interpretation of this structure ignores the fact that the*

subject, semantically expressed in it by the oblique case, is inactive and dependent, contrary to the English and Chinese equivalents, and the object has the case form of the subject, so the subject of an ergative-affective structure based on the signs of activity and independence is diametrically opposite to the subject of a nominative structure, it determines the acknowledgement of the forced conditionality in translating the Russian ergative-affective structure into other nominative system languages, in particular into the English and Chinese, with their peculiar nominative structure, and the opposite translating. When presenting this Russian structure in text and grammar books, it would be useful to note its inactive subjective ergative-affective rudimentariness and, as a consequence, the conditionality of the case forms of its actants.

Key words: *ergative system, nominative system, case, affective, subject, object, syncretism, translation.*